

ТРУД

«Самое трудное было побороть комок в горле...»

Дмитрий Хворостовский - о старых песнях и новых планах

Мария Бабалова 22 Июля 2014

Двумя концертами — в Москве и Тобольске — Дмитрий Хворостовский завершил свой творческий сезон. Отметим: ни в столичном театре «Новая опера», ни под хмурым небом тобольского кремля не прозвучало ни одной оперной ноты. Прославленный баритон воздал должное песням советских композиторов, исполнив лучшие мелодии Пахмутовой, Хренникова, Соловьева-Седого, Френкеля, Бабаджаняна: А перед концертами еще успел записать на «Мосфильме» новый диск военных песен. Что значат эти давно спетые мелодии для самого знаменитого в мире баритона, которого с радостью зовут на главные оперные сцены мира?

Сначала я отобрал почти тысячу песен, из них — 75, затем чуть больше 30... Слушал, выбирал, мучился. В итоге записал около 20. Выбор был очень непростой. «Баллада о солдате» Соловьева-Седого — мне кажется, абсолютный шедевр. Или «Минуты тишины» Петрова, которые я сделал не в своем привычном стиле. И еще «Соловьи», «Ехал я из Берлина», «Черноглазая казачка», «На солнечной поляночке», «Горячий снег» — все наша прекрасная классика. Конечно, в большинстве случаев выбор диктовался личными представлениями и мотивами. Например, я записал ариозо матери из кантаты Новикова «Нам нужен мир» потому, что его пела Ирина Константиновна Архипова. Клавир в Москве найти так и не удалось, но эту музыку я знаю наизусть. Практически весь репертуар, который я набрал, — все это из моего детства. В этом году мне уже 52 года будет, а я до сих пор этим живу. Самое трудное во время записи было побороть комок в горле при исполнении этих песен.

— А как ваши дети слушают военные песни?

— Я не думаю, что они слышали мой первый диск военных песен (записанная 10 лет назад программа, куда вошли «Темная ночь», «Журавли», «Катюша», «Одинокая гармонь» и другие. — «Труд»). Дома я музыку вообще не слушаю. У каждого из нас своя жизнь. Мы объединяемся на каком-то нейтральном уровне. Хотя, конечно, дети бывают на моих спектаклях и концертах, но, как правило, это происходит где-то в Европе, не в России. Думаю, этому настанет время позже. Мои дети учатся в английских школах. Они почти англичане. Когда говорю с детьми, всегда выдыхаю, стараюсь лишний раз

на них не давить. Для них папа — это праздник. Обыденность — это мама. Мама контролирует, делает замечания, проверяет уроки:

— Когда вы планируете представить новую программу в концертном формате?

— В следующем году, когда будет отмечаться 70-летие Победы. Я должен и хочу быть в эти дни в России. Последние годы вообще стараюсь бывать в России при всякой малейшей возможности. Для меня очень ценны эти выступления, очень дорожу тем, что во многих уголках страны есть моя публика. Хотя, как правило, такие поездки — непростая затея. Во-первых, наша страна только на карте кажется единой, но чтобы из Перми добраться, например, до Новосибирска, надо лететь в Москву. Безумие... Во-вторых, гастролируя по России, я, к сожалению, вынужден выбирать посильный репертуар — имею в виду возможности местных оркестров. Так было в Нижнем Новгороде, Самаре, других городах, где я уже спел с десятков концертов с программой советской песни. Публике очень нравятся. И я в этом стал находить профессиональный кайф.

— А что в Москве планируется?

— Много всего. 28 октября приеду на юбилейный вечер Елены Образцовой в Большом театре. На ноябрь у Игоря Крутого назначены три концерта в Кремле, и я уже давно пообещал ему приехать. А 20 января следующего года я задумал концерт памяти Ирины Архиповой — вместе с замечательным пианистом Ивари Ильей в Большом зале Консерватории представлю новую камерную программу. Очень хочу, чтобы в Москве появился памятник Ирине Константиновне. Приложу для этого все усилия. 29 января в Концертном зале имени Чайковского будет «Демон» — полуконцертная версия оперы Рубинштейна. Надеюсь, эту постановку сделает удивительный режиссер и прекрасный человек Дмитрий Бертман.

— Знаю, что «Демон» с вами появится и в Нью-Йорке.

— Через сезон. А в этом сезоне у меня только Верди. В сентябре будет «Травиата» в Париже, зимой — «Бал-маскарад» в Лондоне и «Дон Карлос» — в Вене. Весной — дубль два: «Травиата» в Вене и «Бал-маскарад» в Нью-Йорке. Как правило, после блока из пяти-шести спектаклей я, как в компьютерной игре, выхожу на самый высший уровень вокального исполнения. После такого марафона могу спеть все что угодно. Мне уже ничего не страшно.

— Нынешняя политическая ситуация вокруг России влияет на вашу жизнь?

— Да, конечно. В Америке или в Европе в частных беседах это постоянно возникает. Но большинство на Западе говорит только о конфликте между украинской властью и ополченцами. Они совершенно забывают о том, что есть третья сторона — мирные граждане. Приходится говорить и доказывать: «Люди, откройте глаза. Вы разве не знаете, что на Украине убивают совершенно невинных людей?»

— Не приходилось сталкиваться с недружественными акциями, которыми там встречали некоторых наших артистов?

— Мое концертное турне по Северной Америке обошлось без обструкций. А вот Владимиру Спивакову, знаю, из зала кричали всякие гадости за его общественно-политическую позицию. А гастролы Дениса Мацуева вообще отменили. И в Мюнхене Валерия Гергиева не слишком хотят видеть, хотя контракт, согласно которому он с 2015 года должен занять пост руководителя Мюнхенского филармонического оркестра, давно подписан. Ситуация вокруг России сегодня очень нагнетается.

— А какой дипломатии требуют от артиста взаимоотношения с театрами?

— Лучше всего сохранять абсолютный нейтралитет. Сегодня я здесь, завтра — там. Может, и обижаюсь на дирекцию «Ковент-Гарден», которая не хотела или не смогла задействовать меня в спектакле, который мне был интересен, допустим, «Симон Бокканегра» или «Отелло». Но я знаю, что они меня все равно любят. Для меня этот театр — родной дом. Я туда прихожу и оттаиваю сердцем. То же самое происходит и в нью-йоркской «Метрополитен-опера» или в Вене. И мне больше ничего не нужно. Я не хочу злоупотреблять своим положением.

— Вы не упомянули в ряду родных Большой театр. Он никак не входит в сферу вашего интереса?

— Это, увы, от меня не зависит. Большой театр и мой менеджер Марк Хилдрю ведут переговоры уже на протяжении, наверное, десятка лет. Я мог бы «Дона Карлоса» спеть, «Травиату» или, еще лучше, «Риголетто», премьера которого будет в следующем сезоне.

— В чем же загвоздка?

— Этого я не знаю и понять не могу. Наверное, в бесконечных пертурбациях в руководстве Большого театра. Скорее бы реально начал работать на посту музыкального руководителя Туган Сохиев. Надеюсь, тогда удастся договориться. Если же нет — ну, тогда, как говорится, и суда нет. На отсутствие работы я и без Большого театра пожаловаться никак не могу.

**— Есть мнение, что люди много работают от отсутствия любви.
Вы не согласны?**

— Тогда у меня прямо противоположный случай. Я работаю так много из любви к своим близким. Хочу, чтобы они жили хорошо. На моем попечении фактически три семьи. У меня четверо детей, я продолжаю содержать свою первую жену. Естественно, помогаю родителям. Благополучие моих родных для меня важнее моих желаний.